

Речевой этикет: обращения в современной речи

© В. А. ЕФРЕМОВ,
кандидат филологических наук

Речевым этикетом каждый человек пользуется ежедневно. Под речевым этикетом традиционно понимают национально-специфические правила речевого поведения и систему определенных формул общения, регулирующие взаимоотношения людей. Тактики и стратегии, формулы и закономерности речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что воспринимаются наивным языковым сознанием как часть естественно-го и закономерного поведения людей. Именно поэтому знание и применение речевого этикета в большей степени неосознанно, доведено до автоматизма, «механизировано».

Основная функция любого этикета – формирование и использование таких правил поведения, которые способствуют взаимопониманию людей в ходе общения. А речевой этикет можно рассматривать и как своеобразное отражение определенных языковых явлений в рамках этого общения. Так, обязательные для XIX века специфические обороты типа *ваша светлость, соблаговолите явиться, за сим остаюсь, премного благодарен*, знаменитое слово-ер-с (слушаю-сь) выглядят совершенно архаичными в XXI веке. Аналогично находятся за пределами русского литературного употребления принятые в молодежной среде контактные средства типа «йоу!», «хай!», «бай!», которые относятся к разряду варваризмов.

Если исходить из представления о том, что этикетными формулами говорящий моделирует некую рамку речевого события, определяемую коммуникативным намерением, то такие виды фатических речевых жанров, как приветствие, извинение, прощание и некоторые другие, становятся особо важными как в повседневной, так и в деловой коммуникации. Особую роль в создании коммуникативной рамки играют обращения, которые зачастую предопределяют ход общения [1].

Действительно, обращения традиционно рассматриваются как наиболее значимые показатели этикетных норм и степени освоенности речевого этикета: «Этикетные нормы, или иначе – речевой этикет, касаются в первую очередь обращения на “ты” и “вы”, выбора полного или сокращенного имени (*Ваня* или *Иван Петрович*), выбора обращений типа *гражданин, господин* и др.» [2].

Использование инициальной фатической реплики в современной социокультурной ситуации остается болезненной и весьма актуальной проблемой: вопросы о том, как правильно обратиться к гражданину в общественном месте, допустимо ли использование слов *мужчина* и *женщина* к незнакомому человеку на улице, почему сейчас не употребляются формы *сударь* и *сударыня*, какие обращения наиболее употребительны и стилистически корректны в разнообразных коммуникативных ситуациях и многие другие, связанные с современными тактиками и формами речевого этикета, – одни из самых часто задаваемых в различных аудиториях.

Какие же новые и наиболее яркие со стилистической и прагматической точек зрения трансформации в такой области речевого этикета, как обращения, можно наблюдать в современном русском языке?

Прежде всего это экспансия просторечных форм обращения к незнакомым людям типа *мужчина*, *женщина* и – с некоторыми оговорками – *молодой человек*. «Для того чтобы обратиться к кому-либо, его необходимо окликнуть или назвать, выбрав номинацию, которая наиболее соответствует обстановке общения, ... при этом гендерный фактор всегда учитывается, а иногда становится решающим» [3].

К сожалению, современный речевой этикет, в отличие от достаточно жестко структурированного дореволюционного, не имеет полноценного и удобного для любой ситуации оклика незнакомому человеку. До 1917 года к постороннему можно было обратиться, используя указание на его принадлежность к тому или иному социальному классу (например, в отношении взрослой замужней женщины использовались практически не пересекающиеся в употреблении номинации *сударыня*, *госпожа*, *мадам*, *барыня*, каждая из которых характеризовала даже не столько саму женщину, к которой обращались, сколько говорящего, прежде всего – его социальный статус), а потому форма *женщина*, как соответственно и *мужчина*, по отношению к незнакомому человеку практически не использовалась: эти номинации были избыточны в продуманной и отшлифованной десятилетиями системе общественных отношений дореволюционной России. Более того, еще в XIX веке диалектологами было отмечено, что в некоторых среднерусских говорах (например, московского региона) лексема *мужчина* обозначала исключительно мужика, крестьянина: «И в Харугине мущиной называется мужик, барина так не назовут. «Он барин, мущиной ево назвать, мужиком силить, ни падабаёт»» [4].

Однако после революции в качестве альтернативы аристократическому *господа* и просторечному *мужики* стала использоваться номинация *мужчина*; *сударыня* и *дама* в связи с устранением классовой стратификации были вытеснены *женщиной*, а *барышня* – *девушкой*. Новое советское общество таким образом пыталось отказаться от речевого этикета предыдущей эпохи.

Известный филолог А.М. Селищев в свое время заметил, что расширение в 20-е годы XX века употребительности таких сниженных слов, как *парень* (вместо прежнего *молодой человек*), *ребята*, *девчата*, было связано также с активной деятельностью студенческой среды, в которой вульгаризмы и жаргонные выражения существовали в качестве элемента естественного для нее языкового поведения («бытового буршества»). Ученый характеризует подобный пласт лексики как «слова языка деревни, фабрики, низших городских слоев, вошедшие в состав речи партийной и вообще советской среды {...} Это – “пролетарский язык”» [5].

В употреблении обращения *молодой человек* в XX веке также наметились две тенденции. Во-первых, это чрезмерное расширение круга лиц, которые могут им пользоваться. Если до революции это обращение к незнакомому юноше или молодому мужчине применялось исключительно старшим по возрасту человеком, то в современном обществе в публичных местах нередко можно услышать данное обращение из уст весьма молодых особ женского пола. Во-вторых, в просторечном употреблении обращение *молодой человек* нередко выполняет ту же роль, что и *девушка* по отношению к женщине: это обращение к обслуживающему персоналу, в котором в принципе не актуализирована сема «лицо юного или молодого возраста», а значение слова редуцировано до «представитель мужского или женского пола» (аналогичным для XIX века было обращение *мальчик* по отношению к слуге мужского пола любого возраста). Неслучайно возникает следующая художественная оценка данной номинации: «Недаром на улице осталось фактически только лишь одно обращение “молодой человек”. Это вроде бы очень вежливо, а как глупо! {...} Во всяком случае, “сударь” лучше, чем дурацкий “молодой человек”» (В. Аксенов. *Круглые сутки нон-стоп*).

Во многом в качестве ответной реакции на экспансию просторечных форм в современной речи время от времени возникают попытки возвращения к этикету XIX века, который известен любому грамотному человеку прежде всего по классическим литературным произведениям. Реабилитация употребления архаичных обращений типа *барышня* или *сударь*, а также *Дамы и господа!* достойна уважения, но вряд ли сможет переломить тенденцию: «Прежде существовали “барышня”, “сударь”, “кавалер”, “милостивый государь”, но теперь это слова-покойники, к которым возврата нет» (В. Пьецух. *Сравнительные комментарии к словицам русского народа*).

По-видимому, невозможность возвращения к этикету XIX века обусловлена рядом причин. Во-первых, в дореволюционной России система социальных отношений была жестко структурирована и имела иную природу, нежели сейчас. Во-вторых, в сознании современника подобные номинации рассматриваются как весьма устаревшие и неактуальные, а следовательно, и ненужные, в отличие, например, от пласта церков-

ной лексики, который в достаточно полном объеме вернулся в русское языковое сознание. В-третьих, память современника держит остатки советского отношения к дореволюционному этикету, воплощенного в таких клише, как: «Господа все в Париже» или «Тоже мне... барышня нашлась».

Более того, в некоторых случаях такого рода возвращение к старым этикетным формам может привести к коммуникативному сбою или даже неудаче: «Закончив эту тираду, Семен Петрович откинулся в кресле и склонил голову, как бы приглашая меня ответить ему. – Это невозможно, сударь, – брякнул я. Честно говоря, я вовсе не хотел обидеть или шокировать его. Это дурацкое “сударь” вырвалось у меня само собой, нечаянно. Семен Петрович остолбенел. Он даже не рассердился, а просто не находил что сказать. Слово-то действительно вроде бы самое необидное, но какое-то неуместное и никчемное» (К. Шахназаров. Курьер).

Одновременно следует признать, что в современном русском речевом этикете нет универсальных контактоустанавливающих средств, позволяющих обратиться к незнакомому человеку на улице. Однако опыт других языков подсказывает, что называть незнакомого человека на улице, в транспорте или в магазине вовсе не обязательно: так, в английском речевом этикете можно попросить о помощи, инициировав разговор репликой «I say!» (дословно «Я говорю!»), аналогичной русскому «Послушайте!». Более того, с точки зрения современного русского речевого этикета, нет ничего зазорного или постыдного в том, чтобы обратиться к незнакомому человеку, начав разговор с таких фатических средств, как «Извините...», «Простите...».

Необходимо упомянуть и о слове *дама*, которое в последнее время становится все более употребительным. В XIX веке обращения к женщине делились на две категории: обращения к представительницам высших сословий и обращения к представительницам сословий средних и низших. Однако как обращение к женщине из привилегированного общества слово *дама* не использовалось (исключение – в сочетании «Дамы и господа!»). После революции долгое время *дама* называла исключительно чуждый советской действительности тип женского поведения: «Из парка в парк каждый день под руку с веселым смехом, радостным восклицанием, с частыми остановками для поцелуев и всяких шалостей проходит на глазах всех пара – настоящий господин и настоящая дама в одежде столичного происхождения, с манерами того класса культурных людей, который объявлен теперь “вне закона”» (М. Пришвин. Дневники).

Однако в последние 15-20 лет в связи с тенденцией возвращения ряда устаревших слов и понятий из пассивного запаса культурной памяти это слово вновь стало употребительным, правда, почти исключительно в сфере сниженного речевого этикета: «*Дама*. В городском просторечии малоупотребительное (преимущественно женское) обращение к не-

знакомой, интеллигентного вида женщине» [6]. Таким образом, можно утверждать, что актуализировавшееся в речи усредненной языковой личности (особенно женщин среднего возраста) слово *дама* не сохраняет сейчас те значения, понятийное наполнение и прагматическую функцию, которые были присущи ему в XIX веке.

Давление территориальных диалектов на кодифицированный русский язык также обнаруживается в области этикета и номинации незнакомых лиц. Среди форм речевого этикета, восходящих к диалектным особенностям коммуникации, выделяются различные виды обращений, в функции которых используются термины родства: *отец*, *мать* (при еще более сниженных вариантах – *папаша* и *мамаша*), *дед*, *дедуля*, *бабуля* и подобные им. Анализ словоупотреблений позволяет утверждать, что эти формы обращения жестко стратифицированы по полу и возрасту говорящих: номинации *папаша*, *мамаша*, *мать*, *отец*, *дед* характерны почти исключительно для речи мужчин молодого и среднего возраста; обращения *дедуля* и *бабуля* чаще встречаются в речи молодых женщин. И в том и в другом случае тех, кто использует подобные формы обращений, можно смело отнести к категории лиц с низкой культурой речи.

Нетрудно заметить, что при такого рода употреблении, не столь характерном еще для середины XX века, прямое, номинативное значение слова трансформируется до «человек такого-то пола такого-то возраста» – хорошая иллюстрация и свидетельство процесса семантического выхолащивания, которое в целом является отличительной особенностью просторечия.

Хотя в XIX веке в качестве обращений к незнакомому или малознакомому человеку слова типа *братец*, *сестрица* или *кум*, *кума* (крестное родство) тоже употреблялись, но уже тогда они воспринимались своего рода маркерами просторечного или крестьянского речевого обихода, то есть были строго стилистически маркированы. Так, в хрестоматийной басне И.А. Крылова Лисица обольщает Ворону комплиментом, используя именно эту тактику: «Что, ежели, сестрица, / При красоте такой и петь ты мастерица...». В связи с этим интересно замечание В.В. Виноградова о речевом поведении одного из персонажей другого классического произведения: «В языке Коробочки художественно сконцентрированы формы и приемы речи мелкопоместного дворянства, близкие к крестьянскому языку. Уже экспрессия реплик Коробочки, их лексический состав выводят язык Коробочки за пределы принятого дворянским светом этикета. Быстрый переход к разговору на “ты”, обращения – “отец”, “отец мой”, “батюшка” – подчеркивают грубопатриархальный характер среды» [7]. (В том же произведении Ноздрев непринужденно обращается к Чичикову со словом *брат*, чем себя дискредитирует в глазах последнего.)

Как относительно новое явление в рамках данной тенденции можно определить обнаруживающуюся в просторечии и используемую в ка-

честве обращения к незнакомой женщине номинацию *тетка*. «Толковый словарь русского речевого этикета» дает следующее определение: «*Прост.* и *обл.* Грубоватое (преимущ. мужское) обращение к незнакомой пожилой женщине из простонародья» [6]. Эта самая «тетка» в современной культуре выполняет, как представляется, функцию некоего посредника, заместителя своеобразной лакуны между понятиями *женщина* и *баба* (см., например, интереснейшую художественную интерпретацию понятия «тетка» в последнем романе Т. Москвиной «Она что-то знает...»).

В связи с давлением субстандартных пластов на литературный язык важно отметить и такую особенность просторечного речевого этикета, как появление новых форм обращений в виде трансформированных мужских имен собственных типа *Вован, Колян*... Один из современных исследователей жаргона и субстандартной лексики характеризует эту тенденцию следующим образом: «Сравнительно редкий в антропонимной деривации суффикс *-ан* (*Васян, Гавран* и под.) содержит только коннотацию разговорности и фамильярности, тогда как коннотативный диапазон данного суффикса в жаргонных апеллятивах несколько шире: фамильярность здесь более сниженная и более эффективная, что особенно заметно в синонимических вариантах типа *брат – братан, друг – друган/дружбан, кореш – корефан* и т.д.» [8]. Представляется, что в современном русском языке данная, характерная преимущественно для жаргонизмов, словообразовательная модель при применении к именам собственным создает не столько разговорный и фамильярный, сколько весьма сниженный, «приблатненный», оттенок.

Самое тревожное в употреблении такого рода форм мужских имен заключается в том, что они все меньше и меньше осознаются современниками как грубо-просторечные. В этом, пожалуй, и заключается основная опасность любых трансформаций в современном русском речевом этикете. «По-видимому, старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи и т.п.), а младшее – напротив, как норму. Собственно же процесс изменений остается незамеченным. Кроме того, поскольку в лингвистике до сих пор не существует общепринятой кодификации речеповеденческих норм, устаревший срез очень быстро вытесняется из сознания носителей языка. Тем не менее, изменения в речевом поведении и речевом этикете происходят и притом весьма значительные» [9].

К сожалению, рамки статьи не позволяют коснуться таких интересных изменений в современном этикете, как появление обращения «*Девочки!*» среди женщин преклонного возраста, новые гендерные асимметрии, влияние западной масс-культуры на отечественные традиции общения (например, отказ от двучленной формы обращения в пользу однучленной: *Валерий Анатольевич* → *Валерий* + «вы»-формы).

Вместе с тем, можно утверждать, что все основные трансформации, которые переживает русский язык начала XXI века (давление субстандартного пласта языка на кодифицированный, возвращение определенных фрагментов лексической системы с периферии языка и языкового сознания, стремление выработать новые средства выражения и новые формы общения, ориентация на культуру XIX века и др.) в достаточно полной мере отражаются в современном русском речевом этикете, в том числе и в системе обращений.

Литература

1. *Брадецкая И.Г.* Обучение старшеклассников профильно ориентированных классов этикетному поведению в ситуациях делового общения. Автореф... канд. пед. наук. М., 2007.
2. *Культура русской речи: учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева.* М., 2002.
3. *Городникова М.Д.* Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // *Гендер как интрига познания: Сб. ст.* М., 2000. С. 83.
4. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.
5. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи // *Труды по русскому языку.* Т. 1. Социоллингвистика. М., 2003. С. 118.
6. *Балакай А.Г.* Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004.
7. *Виноградов В.В.* Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // *Виноградов В.В.* Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой: Избр. труды. М., 2003. С. 91.
8. *Отин Е.И.* «Все менты – мои кенты...». М., 2006. С. 78.
9. *Кронгауз М.А.* Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология // Доклады международной конференции «Диалог 2004» (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Krongauz.pdf>).

Санкт-Петербург